

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА

В театрах страны идет пьеса Аркадия Ставицкого «Четыре допроса». Летом прошлого года она была напечатана в журнале «Театр» с посвящением: «Памяти актрисы Веры Петровны Марецкой, которая в 1964 году репетировала роль в этой пьесе».

В основу пьесы положен факт действительный. Драматург познакомился с женщиной, старой большевичкой, в прошлом незаконно репрессированной, и она рассказала ему, что ищет следователя, который когда-то допрашивал ее. Чтобы предать ей счет? Оказалось, нет: следователь, молодой парень, отказался тогда вести ее дело. Она не могла отыскать его следы и предполагала, что он либо расстрелян, либо погиб в лагере. В первом варианте пьеса называлась «Поединок честных». Ее ждала та же судьба, что судьба многих книг, которые мы прочитали только теперь.

ИЗ РАССКАЗА ДРАМАТУРГА: «Пьесу я отдал Завадскому. Почему именно ему? Когда-то Театр имени Моссовета дрался за мою первую пьесу — она была написана под непосредственным впечатлением событий, связанных с XX съездом. Поставить ее не удалось. Чиновникам она казалась слишком пессимистичной... С тех пор я и поддерживал отношения с Завадским. И когда написал «Поединок», ему первому позволил и дал прочитать. Разговор не был обнадеживающим. Юрий Александрович ссылался на обстоятельства — обстоятельство и в самом деле были неблагоприятные: это был период известного хрущевского «погрома» на художественной выставке».

Но вдруг через две недели Завадский позвонил сам, что бывало редко: «Аркадий, у вас есть на завтра планы? Давайте навестим вместе Веру Петровну Марецкую. Она отдыхает в Барвихе». Марецкая тогда была в зените славы. Я не был с ней хорошо знаком. Звонил Завадского меня удивил, но я никак не связал его с пьесой. Решил, что это одна из причуд метра. Вместе с нами поехали Р. Я. Плятт и еще один молодой актер из Театра имени Моссовета.

В комнате Веры Петровны на столике возле тахты я увидел мою рукопись. «Молодой человек», — обратился ко мне Вера Петровна. — «Вы не прочтете нам свою пьесу?» Когда я кончил, спросила Плятт: «Что ты думаешь, Слава?» — «Да, по моему, надо играть!» Я понял, что Завадский не случайно меня позвал. Он знал, что Вера Петровна пьесу прочла и пьеса ей понравилась».

Примерно через месяц Вера Петровна сказала мне: «Завтра мой творческий вечер в Политехническом, я буду исполнять первый акт вашей пьесы, не спрашивайте, какой ценой». Я понимал: пьеса все еще была не залитована. А через некоторое время: «Голубчик, они отменяли меня. Не даю мне играть вашу пьесу. Директор Политехнического сказал, что его сминут с работы».

В театре, однако, пьесу начали репетировать...

Я превру хроникой одной непостоянной пьесы страницами другой хроники — одной московской семьи. Место действия — та же Барвиха, где молодой драматург Аркадий Ставицкий читал свою пьесу знаменитой актрисе Вере Марецкой. Только не нынешняя, не элитарное место отдыха, а тогда — в очень давние времена, еще до революции, — просто подмосковная деревня, где снимали дачу горожане среднего и скромного достатка. Дачники ставили спектакли, и ни один водевиль не обходился без братьев Марецких, известных в округе весельчаков и остроумцев, и их сестры Веры, сыгравшей в девять лет Гусаря в «Кукольном переполохе» и готовой играть, как вспоминала потом, кого угодно — девочек, взрослых, старух, лишь бы играть».

Братья учились в Московской практической академии. Это было среднее учебное заведение типа коммерческого училища. Академия давала не только хорошую специальную подготовку, но и гуманитарное образование лучше, чем в гимназии. Оба учились за казенный счет. И оба — отлично. Григорий закончил курс в 1917 году, начал работать бухгалтером-инструктором. Такое же будущее, видимо, ждало бы и младшего, Дмитрия. Но юность совпала с революцией.

Оба брата вступили в партию, закончили Коммунистический университет имени Свердлова, потом — Институт красной профессуры.

Потянулось было за братьями Вера, подала документы на философский МГУ, прочитала год и сбегала, славала экзамены сразу в три театральные студии, в две — выдержала, выбрала — вахтанговскую. «Наша Верка актеркой стала!» — провозгласил Григорий.

В 1925 году вышел фильм «Закройщик из Торжка» — ее дебют в кино, появились первые рецензии. Но в те годы фамилия Марецких была более известна не столько по этим первым рецензиям, сколько по статьям, которые появлялись в «Правде», «Комсомольской правде», журнале «Большевик», — статьям братьев Марецких. Григорий был заместителем редактора «Комсомольской правды», Дмитрий — членом редколлегии в «Правде».

В «Комсомолке» секретарем отдела «Жизнь молодежи» работала и младшая Марецкая — Таня. Первый редактор газеты Саша Слепков

даст ей рекомендацию в партию. Она поступит в Академию имени Крупской, будет учиться с тем же одушевлением, что и братья».

Татьяна Петровна раскладывает передо мной на столе бесценные свои реликвии: три карточки Дмитрия: одну, маленькую, на удостоверении 18-го года, другую — он с неизменной своей трубкой (и прозвище было — «Трубка») — такая, только увеличенная, висела когда-то, в 20-е годы, на юбилейной выставке «Правды», и третью, вырезанную из групповой: «Тут и Саша Слепков был, но я отрезала, только Митю оставила».

Были семьи, которым нельзя было хранить ни писем, ни фотографий.

«Я живу там, в 20-х годах, так ясно все вижу, слышу Митин голос...» Митя, став студентом Свердловки, а потом ИКП, взял ее, младшую, — особенно ее опекал — к себе в общежитие. Сначала жили в кельях Страстного монастыря, потом в бывшем лицее на Остоженке. Комнаты обоев братьев были на последнем, четвертом этаже; иногда, чтобы сократить путь, Григорий вместо двери пользо-

вантно: «молодые рыцари правого уклона», «агитпроп бухаринской школы»...

ИЗ РАССКАЗА ДРАМАТУРГА: «...Пьесу тем временем начали репетировать. Вера Петровна очень торопила события: «Надо успеть!» Уже и художник был подключен. Мне казалось, что сам Завадский не столь горел, но видел, как хотел Вера Петровна, и делал все, как она хотела. Она давно и тому времени не играла современных ролей, говорила: «Мне не хватает в них драматизма».

Спектакль готовился, репетиции шли...

...Митиним им снова появилось в «Правде». Не подписью под статьей. А в заголовке — еще недавно такой заголовок не привлекло бы и в страшном сне: «Участник бухаринской «школки» двурешник Марецкий исключен из партии». Школа Бухарина — теперь уже так писать не будут, только, как когда-то говорили зинovieвцы, — «школка». Довершит Вышинский на бухаринском процессе в 1938 году: «Не «школка», а банда, которую создал Бухарин».

Заметка об исключении Марецкого была напечатана

в журнале «Театр» с посвящением: «Памяти актрисы Веры Петровны Марецкой, которая в 1964 году репетировала роль в этой пьесе».

Письма писали обе, но подписывала Вера, и переписка шла на ее адрес. Она была беспартийной, Тане, члену партии, за связь с «врагом народа» могло крепко не понравиться. В 1934 году на партийку в ее организацию пришел представитель НКВД и все припомнил: и что свидание с арестованным просила, и что дважды на этих свиданиях была. Ее исключили из партии. ЦКК потом восстановил.

ИЗ РАССКАЗА ДРАМАТУРГА: «...И вдруг грянул гром. Директор театра пригласил меня, закрыл дверь на ключ и показал короткое письмо из КГБ. В нем было категорическое возращение против постановки. Пьеса называлась клеветнической. Мы были поражены. Ведь никто не отменял решений XX и XXII съездов, где беззакония были названы своим именем. Я пошел на прием к высокому начальнику в Министерство культуры. «Я и пьесе отношусь положительно, — цинично сна-

Юрий Александрович говорит: «Аркадий, Вера Петровна вышла из больницы и решила бороться за пьесу. Она звонила Е. А. Фурцевой, и завтра мы у нее должны быть».

В приемной Фурцевой я впервые увидел Веру Петровну после больницы. Она очень стала, но настроение у нее было боевое.

В приемную вышла Фурцева. Обняла Марецкую, поцеловала — мне показалось, что она отнеслась к ней не только с уважением, а с любовью. Сказала, что пьеса ей понравилась. Ее коллеги не верят, что постановку можно осуществить, но она будет пробовать. Для такой актрисы, как Марецкая, будет пробовать.

Репетиции, однако, не возобновлялись. Было не ясно: разрешат или нет. В Министерстве культуры потребовали отзывы. Редактор БСЭ Л. Шаумян и Лен Карпинский охотно дали. Но это не помогло... В один прекрасный день меня пригласили в Комитет государственной безопасности. Со мной разговаривали четыре человека. Сначала они говорили о том, что в пьесе — неправда, так как в 37-м году, если и были у ченистов, то отдельные нарушения. Я стал возражать, ссылаясь на

Ему скажут, чтобы написал автобиографию и заполнил анкету. «Как написать?» — спросил Веру Петровну. «Напиши, что отец и мать арестованы органами НКВД». Понятно, что в спецшколе сказали: с такими документами не принимаем. Он разрешился тут же, в приемной. На шум вышел директор. Расспросил плачущего мальчишку, в чем дело, поинтересовался, с кем живет, раз нет родителей: «Идите домой и приходите к тетей».

Было 6 июня 1941 года. Вера Петровна на следующий день уезжала на гастроли. Дома было только ее муж Юрий Петрович Троицкий (он погибнет вскоре на фронте). Едва она вошла: «Вера, не раздевайся...» Объяснил, что произошло. «Устала, не могу». — «Надевай орден и иди» (за фильм «Член правительств» В. П. Марецкая недавно получила орден «Знак Почета»). Вызвал такси. Когда они пришли, директор уже ушел. Сказал мальчишке: «Положи», сам с Верой Петровной прошел в кабинет. О чем они говорили, Шурик не слышал, услышал только последнюю фразу: «Не волнуйтесь, Вера Петровна, постараемся помочь». Его приняли — по особому решению Наркомпроса.

Директора спецшколы Зиновия Эфраимовича Крейна он всю жизнь вспоминает с благодарностью. Это к нему кинется он в отчаянии вечером, почти ночью, когда его — он в это время учился уже в Академии Жуковского — хотели исключить: говорили, что он наверняка обманом вступил в комсомол, не могли в комсомол принять сына врага народа. «Как же своих спесов не выручить?», — возмущается Крейн и поедет с ним, чтобы подтвердить: он не скрывал, не обманывал.

Война застала Веру Марецкую на гастролях. Через несколько дней она вернется в Москву. Ее сестры в Москве уже не было. На второй день войны Татьяну Петровну звонком вызвали в Мосгорно. Там ее ждал работник НКВД. В тот же день арестовали сестер Александра Слепкова. Всех — как «социально опасный элемент». «Мы за вами давно следили», — сказал Т. П. Марецкой следователь, — «но пока войны не было, мы вас не трогали. А теперь вы, сестра врагов народа, для нас социально опасны».

ИЗ РАССКАЗА ДРАМАТУРГА: «Несколько лет Вера Петровна тяжело болела. Когда однажды в очередной раз ее привезли из больницы, я пришел ее навестить. Говорили о том, о сем. И вдруг неожиданно жалобным голосом она говорит: «Голубчик, как бы нам сыграть вашу пьесу? Может быть, не в театре, так на телевидении?» Это было, конечно, наивно. Я отнес это за счет ее болезненного состояния. Но меня поразило, что ее, видимо, не оставила мысль об этой пьесе».

Татьяна Петровна пройдет пересыльные тюрьмы, лагеря, тяжелую работу на лесозаводе. «Меня спасла сестра — посылки, которые она умудрялась посылать в голодные военные годы, ее письма. И освободили досрочно, по ходатайству сестры». Перед тем сестра сыграла одну из самых сильных своих ролей в фильме «Она защищает Родину».

Судьба братьев была неизвестна. После XX съезда В. П. Марецкая возбудит ходатайство об их реабилитации.

Сын Дмитрий, Александр Дмитриевич, показал мне документ, из которого следует, что его отец был приговорен к расстрелу 26 мая 1937 года. Умер 1 июня 1938 года. Причина смерти — прощек.

И у детей Григория Петровича Марецкого — их двое, дочь Нина и сын Вадим — есть такой же документ, в котором тоже — прочерки. Причина смерти — прочерк, место смерти (район, республика) — тоже прочерк. Дата названа 9 июня 1940 года.

Что касается прочерков, может быть, к ним имеет отношение та история, которую поведал мне Александр Дмитриевич. По жестокой иронии жизни свела его со строителем, работавшим когда-то, как рассказывал, в НКВД. Спокойно, не как о дьявольских, а как о самой обычной работе, говорил он, как строил помещения, в стенах которых были вмонтированы специальные планги. «Зачем?» — «Чтобы напором воды смывать тела в бункерах». Тела расстрелянных... Он рассказывал подробно, в деталях, ему и в голову не приходило, что среди тех, кого «планги смывали в бункерах», мог быть отец слушающего его человека.

В конце 50-х Дмитрий Марецкий был реабилитирован, но не полностью — за 1937 год. Только в прошлом, 1988 году, была признана незаконность репрессий 1932—1933 годов. И уже совсем недавно Дмитрий Марецкий так же, как его друг Александр Слепков, первый редактор «Комсомольской правды», посмертно восстановлены в партии.

...Когда Аркадий Ставицкий с благодарностью вспоминал о том, как Вера Петровна Марецкая боролась за его пьесу, он видел в этом только творческую одержимость актрисы: ей так хотелось сыграть роль современницы. Он не знал судьбы Марецкой. Никогда не слышал о ее братьях и сестре. И для драматургов иногда неожиданной оказывается драматургия жизни.

Т. ЯКОВЛЕВА.

НЕСЫГРАННАЯ РОЛЬ ВЕРЫ МАРЕЦКОЙ

Были семьи, которым нельзя было хранить ни писем, ни фотографий.
И эти снимки могли не сохраниться...

Марецкие — Григорий, Дмитрий, Вера, Татьяна. 20-е годы.

вался окном, перебираясь по карнизу. И Таня однажды проделала тот же путь. Теперь, когда проезжает по Остоженке и видит высокий четвертый этаж, на котором они когда-то обитали, и узкую полосу карниза, ей становится не по себе: как рискнула тогда?.. Ну Григорий — это понятно, что ему страшно высоты — он увлекался альпинизмом, ходил в поход на Эльбрус. Из обуви — на все случаи жизни — признавал только горные ботинки.

Ей трудно представить братьев самих по себе, отдельно: сразу рядом встают Саша Слепков, его братья Василий и Владимир, Петя Петровский, Дав Петрович Розин, Александр Зайцев, Иван Адамович Краваль... — «Молодые, образованные, свет душой, хохотуны вокруг них били...» «Красные профессора», — ученики Бухарина. Они и звали его так: Учитель. «Школа Бухарина». Каменев и Зиновьев говорили уничтожить: «школка».

В Ленинской библиотеке, в старой подлинке отсыкала Татьяна Петровна последнюю статью Дмитрия в «Правде» — «Фальшивая нота». «Ведь это все о том, о чем сейчас пишут!» — скажет мне. Речь в статье, в самом деле, шла о том, что, проводя коллективизацию, нельзя «терять из виду ясную ленинскую перспективу», о разумном сочетании колхозов и индивидуального хозяйства, о том, что одним только «механическим обзудением спекулятивного порыва кулака» дело не решится: в борьбе с ним решающую силу должны иметь экономические аргументы, авторитет кулака в деревне надо быть растущим авторитетом колхозов.

Но то, что сейчас нам кажется — и историей подтверждено — разумным, тогда сторонниками форсированной коллективизации и узаконения чрезвычайных мер против кулаков объявлялось «правым уклоном». И уже тогда спор начинала решать «неубедительность доводов, а сила, «оргмеры». Бухарин летом 1928 года еще был и членом Политбюро, и редактором «Правды». Но его учеников вывели из редколлегии «Правды» и «Большевика». А. Слепкова направил на работу в Самару, Д. Марецкого — в Ленинград, в Академию наук.

Там, в Ленинграде, он напишет статью о Бухарине для Большой Советской Энциклопедии. На собрании в Института марксизма-ленинизма, посвященном 100-летию Бухарина, ее назвали его первой научной биографией. Она воспроизведена в изданном недавно сборнике избранных трудов Бухарина. Но в «Правде» 1929 года Марецкому эту статью поставят в вину. Впрочем, тогда, в 29-м, в газетах о Слепкове, Марецком и других писали еще вполне га-

2 ноября 1930 года. А за несколько дней до того в «Правде» же было сообщено, что в Самаре «выброшен из рядов ВКП(б)» двурешник Слепков».

«В своей речи, которую он читал и которая им была написана заранее, Марецкий, — писала «Правда», — формально признавая правильность генеральной линии партии, по существу... свел свою речь к защите правооппортунистической платформы Бухарина. Он заявил, что считает исключение Слепкова из партии неправильным и надеется, что «Слепков будет в партии».

Недавно в своих воспоминаниях А. М. Бухарина-Ларина написала, что перед арестом Бухарин уничтожил случайно попавшую к нему записку, написанную рукой Сталина: «Надо уничтожить бухаринских учеников!». Написано это было в конце 1928 или начале 1929 года. «Следовательно, ты знал о планах Сталина?» — спросила она. «То, что Сталин мог расстрелять моих бывших учеников, я в то время не подозревал, думал, что он решил уничтожить мою школу путем изоляции их от меня».

...К Тане Марецкой прибежала Женя, младшая сестра Слепкова: «Саша арестован и Митя арестован! Они на Лубянке. Их высылают на Север, нужны теплые вещи». Шел 1932 год. Галля Шалахова, Сашина жена, говорила: «Им хотят принести дело Рютиня». Тане разрешили свидание с братом, коротенькое, 10 минут: говорить только о домашних делах. «Краснокопайский», — успел шепнуть Дмитрий. «Перестаньте шептаться!» — осек надзиратель. Она поняла: место ссылки; так называлась когда-то Иокшар-Ола. Теплые вещи достать было трудно. С помощью подруги, муж которой работал в ЦКК, раздобыли валенки. Муж этот очень боялся, что ему попадет от секретаря ЦКК Ярославского: вдруг узнает, что его жена «Митяке Марецкому валенки купила?»

Ссылку определили на три года. Но на следующий год вернули в Москву и наказания изменили: 5 лет Верхнеуральского политизолятора, то есть тюрьмы. Тогда же арестовали его жену. Оставался маленький сын.

«Мы с сестрой добились свидания, были у Мити в Бутырской тюрьме. Липо у него было такое хорошее, приятное, одухотворенное. Но когда заговорили о жене, он заплакал. О Шураке, сыне, очень убавляла. «Не беспокойся», — успокаивала Вера, — мы будем о нем заботиться». А когда прощались, Митя сказал: «Что бы там ни было, но книги останутся со мной».

В тюрьму — в Верхнеуральский политизолятор — сестры будут посылать книги, которые он просил: по теории

зал он мне, — но из-за вас сосориться не буду. Они раздражены».

Через несколько дней после этого Вере Петровне стало плохо, и она оказалась в больнице.

А вскоре мы узнали про Пленин, на котором Хрущев был снят. Начался откат...

Летом 1936 года на процессе Пятакова — Радека в показаниях одного из подсудимых прозвучала фамилия Бухарина и невероятные слова о «террористической группе Слепкова». В «Правде» появилась заметка о необходимости расследовать связи Бухарина с «тропикстско-зиновьевской бандой».

Осенью Таня заболела. У нее началось воспаление тройничного нерва. Узнав о болезни, пришел навестить Григорий. Все эти годы, после ареста брата, он очень беспокоился. Его исключили из партии. Работы по специальности — истории — не давали. Работал то на Метрострое, то грузчиком. В последнее время преподавал русский язык в полиграфическом и текстильном институтах. В те дни, казалось, даже стены слышат все, что ты говоришь, но он улучил все-таки момент, чтобы шепотом спросить, видела ли она разбойную статью в «Большевике»? Сказал: «Пропала Митыкина жизнь».

«Разбойная статья» была не одна. Шло по возрастающей, и на определения не скупился. Речь вели уже не о «молодых рыцарях правого уклона», как когда-то, а о «право-левацких уроках», контрреволюционерах, реставраторов капитализма, правых отщепенцах». Сашу Слепкова и Дмитрия называли «выучениками Бухарина — выродками». Журнал призывал «окончательно расправиться с последними гнусными реставраторами».

Дату она запомнила точно: 5 января 1937 года. Вечером она зашла к Григорию. «От Мити что-нибудь было?» «Да», — сказала она. Перед тем было письмо, в котором Дмитрий просил прислать 50 рублей — «на всякую мелочь и про всякий случай». Но она не успела сказать это брату: в дверь позвонили, и Григорий пошел открывать. А вернулся не один: в сопровождении работников НКВД. Обшук шел всю ночь. Когда наутро она посмотрела на брата, голова у него была белая.

Его увели, а ей сказали: никому ни слова о том, чему свидетельницей вы были. Но она пошла в райком партии: «У меня арестовали брата». Ее исключили — во второй раз, тут же.

В начале тридцатых селдьмо посылала, посланная Мите, вернулась обратно. Больше от него известий не было.

ИЗ РАССКАЗА ДРАМАТУРГА: «Перед Новым, 1965 годом

XX съезд и уже известные материалы. Тогда мне было сказано, мы — люди военные; нам поручено было с вами провести беседу. И еще: у тех людей, которые за вами стоят, — у них ничего не выйдет».

Я ждал реакции театра. Но у него, видимо, ничего не получилось».

Летом 1936 года студия Завадского, в которой была Вера Петровна Марецкая, уехала из Москвы в Ростов-на-Дону. Если вспомнить, что именно летом 1936 года был процесс Пятакова — Радека, на котором возникли имена Бухарина и Слепкова, совпадение этих дат не кажется случайным: даже не очень искусственному политику было ясно, что если начнет раскрываться «дело Бухарина», неизбежно в орбиту будут включены имена его ближайших учеников, а значит, и Дмитрия Марецкого. Был ли этот перевод студии жестом опалы, или, напротив, стремлением оберечь к тому времени уже известную в Москве театральную актрису, на всякий случай удалив ее подальше, «с глаз долой»? Так или иначе театр Завадского вернется в Москву только в сороковом году.

С 1936 года, как утверждали, «пошла основная творческая и гражданская тема» Марецкой. В фильме «Покорение победителей» (он выходит в конце года) она играет героиню революционных боев 1905 года «Варьку-черта». В театре — этим спектаклем начинается сезон в Ростове — Любовь Яровую: «Я стараюсь найти неповторимый ритм гражданской войны», — писала Марецкая, — «ощутить, что такое значит быть на краю жизни и смерти и не бояться смерти».

В Ростове в ее семье появились мальчик, почти ровесник ее сына Жени, на полгода старше, ее племянник, тот самый Шурик, о котором она обещала заботиться брату в Бутырской тюрьме. «Мы с Шураком, — вспоминает сын Веры Петровны, — жили в одной комнате, одевавшись одинаково, все у нас было общее (только наказывали меня строже)». И строго-настроено ему было запрещено спрашивать брата о том, что с ним было. А сам Шурик об этом молчал. Дети его судьбы мудрецы рано.

Он пошел в третий класс в деревне Глухое Архангельской области, куда была сослана после тюрьмы мать. Там, на его глазах, январской ночью 37-го года ее еще раз арестуют, и он увидит ее уже взрослым.

А отла и вовсе помнил смутно — тот уехал в Ленинград, когда Шурак был совсем маленьким.

После селдьмо класса (уже в Москве) — ковил его отлучно с похвальной грамотой — он решил поступить во 2-ю артиллерийскую спецшколу.